

Накануне вечером Оуян, решив, что терять уже нечего, перестал сдерживать себя в словах и действиях. Он не только вел себя распутно, но и говорил без всяких ограничений, то ругаясь, то лстя, а к концу вообще начал нести околесицу, произнося слова, которые сами вырывались наружу под влиянием ощущений тела. Что именно он говорил, он уже и сам не помнил.

Чтобы как-то оправдаться, Оуян выпалил:

— Сделать золотую клетку, которая ослепляет — это то, что может сделать только безвкусный выскочка, в этом нет никакого изящества и смысла! Лучше бы взяли хорошее дерево, тщательно его обработали, чтобы было удобно использовать и приятно смотреть...

— А кандалы и цепи на что заменить? — внезапно вставил Ци Юньхэн.

— Конечно, на кожаные...

Оуян ответил не задумываясь, но, произнеся это, понял, что снова влип. Взглянув на улыбающееся лицо Ци Юньхэна, он почувствовал, что сам себе выкопал яму.

Ци Юньхэн быстро подтвердил догадку Оуяна, продолжая улыбаться:

— Не волнуйся, Чунъянь, я обязательно исполню твое желание как можно скорее.

Исполню желание? Да ты издеваешься!

Чье желание? Твое, а не мое!

Оуян хотел укусить Ци Юньхэна, но прежде чем он успел решить, куда именно, Ци Юньхэн уже начал действовать, укусив его за губу.

Оуян тут же перехватил инициативу, начав атаку языком.

Они некоторое время боролись друг с другом, пока Ци Юньхэн внезапно не перевернул Оуяна, положив его на себя.

Оуян подумал, что Ци Юньхэн снова собирается предаться утехам среди бела дня, и уже хотел серьезно поговорить с ним, объяснив, что даже при хорошем здоровье нельзя быть слишком распутным. Но Ци Юньхэн закрыл глаза и тихо сказал:

— Поспи со мной еще немного, хорошо?

Хорошо? Да ты смеешься!

Оуян был в замешательстве, не зная, разочарован он или облегчен, но одно он знал точно — он еще больше хотел укусить Ци Юньхэна.

На пятый день третьего месяца, после того как весь предыдущий день провел в постели, Оуян снова проснулся естественным образом.

Но после пробуждения он не смог продолжать валяться в постели, наслаждаясь сладким сном. Управляющий Чжуан буквально вытащил его из кровати, поручив Таохун и Люлюй помочь ему умыться, одеться и позавтракать. После того как все было сделано по порядку, Оуян в сопровождении управляющего Чжуана и маленького евнуха Хуан Пэна сел в повозку и покинул Летний дворец, отправившись за город в императорское поместье.

Хотя Оуян был не в духе, он не сопротивлялся.

Это была запланированная поездка, просто он недооценил последствия безумной ночи на третий день третьего месяца. Иначе он бы обязательно перенес поездку на шестой или даже седьмой день.

Но раз уж все было решено, и поездка была обычной инспекцией, не требующей физических усилий, Оуян не стал специально отправлять кого-то в поместье, чтобы перенести дату, позволив управляющему Чжуану «упаковать» его в повозку и отправить в поместье в полусонном состоянии.

В конце второго месяца, когда погода только начала теплеть, арендаторы в императорском поместье под руководством старост начали активно работать. Согласно плану, составленному еще зимой, они скорректировали и разделили поля на десяти фермах, выкопав основные каналы для системы орошения.

В то же время заброшенные кирпичные печи в поместье были снова введены в эксплуатацию и переоборудованы в соответствии с требованиями Оуяна. Когда канавы вокруг полей были почти готовы, из печей вышли первые партии кирпичей, и арендаторы, едва успев перевести дух, снова были подняты старостами на ноги. Сначала они построили простую стену вокруг поместья, а затем выделили участки внутри, начав строить новые дома.

Эти новые дома предназначались для арендаторов и представляли собой крестьянские хижины. Хотя они стояли близко друг к другу, даже с заборами между ними, приватности было мало. Но новые дома были построены из серого кирпича, с прочными глинобитными стенами и канами. В каждом доме было три основные комнаты и по две боковые, а в центре двора выкопали колодец, а за домом построили курятник и свинарник.

Самое главное, что эти новые дома предназначались только для арендаторов, умеющих заниматься животноводством. Как только они заселялись, поместье предоставляло им цыплят и поросят. Задача арендаторов заключалась в том, чтобы вырастить этих животных и продать их обратно поместью.

Цена, которую предлагало поместье, конечно, не была высокой, но просторный и светлый дом с лихвой компенсировал разницу. Более того, куры несли яйца, а свиньи рожали поросят, и все это оставалось в распоряжении арендаторов.

Поместье пообещало арендаторам золотые горы, но и предупредило, что все правила являются пробными и могут быть изменены в любой момент. Эти новые дома были не для всех, и в первую очередь их получали те, кто ранее работал с животными в поместье. Остальные должны были подписать обязательства, и если кто-то допустит гибель скота, то его либо оштрафуют, либо выгонят из дома, а в худшем случае отправят в ссылку — ведь императорская милость не дается даром.

Хотя последствия неудачного содержания животных были пугающими, а правила могли измениться в любой момент, многие арендаторы заинтересовались этими строящимися домами и записались у своих старост, чтобы переехать туда и заняться животноводством.

Сяо Эр сейчас занимался окончательной проверкой и отбором, стараясь выбрать действительно способных и умелых людей, чтобы вложения Девятитысячелетнего не пропали даром.

Госпожа Цянь также переехала в поместье и теперь жила в бывшем доме старосты поместья

Сяо Эра — который теперь назывался Крестьянским подворьем. Она занимала задний двор для личных нужд, а передний использовала для работы.

Сейчас в управлении поместьем уже можно было увидеть три основные ветви власти.

Сяо Эр стал главным среди десяти старост, управляя всеми арендаторами и отвечая за строительство и работу.

Госпожа Цянь стояла наверху, контролируя общую ситуацию и управляя финансами. Те, кто прошел экзамены — осталось восемь человек, одного Ци Юньхэн перевел на должность чиновника, а одного Оуян уволил за провал на проверке — также были под ее началом и пробовали себя в управлении и координации. После завершения строительства в поместье они либо получают свои участки работы, либо будут отстранены.

Третьим важным лицом в поместье был евнух Хуан Пэн. Пока у него не было конкретных обязанностей, и он просто служил глазами и ушами Оуяна, инспектируя поместье. Но его статус был исключительным, и благодаря сильной поддержке даже госпожа Цянь не смела недооценивать его или обижать, не говоря уже о других.

Кроме них, Оуян также попросил у Ци Юньхэна группу имперских гвардейцев, которые должны были выйти в отставку, и разместил их в поместье, где они ежедневно патрулировали территорию в полном вооружении.

Это имело больше символическое значение, чем практическое, но эффект был заметен. Из-за страха в поместье быстро установился порядок, и даже мелкие ссоры стали редкими.

Вскоре арендаторы в поместье перестали бояться — имперская гвардия была лицом императора, и дисциплина в ней была строжайшей. Солдаты не занимались вымогательством, а их содержание не ложилось на плечи арендаторов. Хотя они выглядели угрожающе, пока арендаторы соблюдали правила и не лезли к ним, гвардейцы не искали повода для конфликтов.

Ци Юньхэн, ценя своих людей, вскоре тайно посетил поместье для инспекции.

Во время визита он не высказал своего мнения, но по возвращении отобрал группу высоких и статных гвардейцев из подчинения Гао Мина и приказал им патрулировать столицу в серебряных доспехах на высоких конях.

<http://bllate.org/book/16203/1454746>